

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ

ББК ТЗ(2Рос-4Пер)

А.И. Коробков

Пермский государственный технический университет

К ИСТОРИИ ПЕРМИ И ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Прослеживается история развития Пермской губернии. Более подробно автор рассматривает период XVIII–XIX вв. Решение Екатерины II о создании административного центра новой губернии было связано не столько с хорошими экономическими возможностями ее месторасположения, сколько в большей степени с политикой. Горнозаводской Урал не пошел за Пугачёвым, и императрица восприняла его как надежный тыл.

После подавления Пугачёвского бунта – этого социального цунами, подвергнувшего разрушению значительную часть дворянской России, дворяне во главе с императрицей Екатериной II ради усиления контроля и эффективности управления провели административные преобразования. Работа была проделана большая.

7 ноября 1775 г. императрица подписала «Учреждение о губерниях». Губернии разукрупнились: вместо 23 их становилось 50. Каждая губерния с примерно равным населением (эталон 400 тыс. чел.) делилась на 10–15 уездов. Частью из территории губернии Казанской, частью из Оренбургской и Тобольской была образована Пермская губерния. Границы ее были далеко не те, что теперь.

Пермская губерния располагалась по обеим сторонам Уральских гор. На севере она граничила с Вологодской губернией, на востоке соседствовала с раскинувшейся до Тихого океана Тобольской, на юге – с Оренбургской и Уфимской, а на западе – с Вятской губерниями.

Было признано, хотя и не сразу, целесообразным иметь в ее составе 12 уездов. Семь из них – Чердынский, Соликамский, Кунгурский, Пермский, Оханский, Осинский и Красноуфимский – заняли предуральскую, европейскую территорию губернии. Это то, что по северу называлось Пермской землей, а в целом – Прикамьем. Остальные уезды – Верхотурский, Ирбитский, Камышловский, Екатеринбургский, Шадринский – находились в зауральской, азиатской части.

Земли Строгановых и Демидовых, казенные, посессионные и частные заводы, добыча золота и серебра, копи драгоценных и самоцветных камней – все это и многое другое на Урале вошло в пределы Пермской губернии.

Но вряд ли В.Н. Татищев или В.И. де Геннин, знатоки края, основатели 77 уральских металлургических заводов, если бы им в свое время поручили это сделать, назвали губернию Пермской. Они назвали бы ее Уральской или Екатеринбургской. Скорее всего, Екатеринбургской, потому что за 58 лет до образования губернии они определили Екатеринбург столицей Урала.

Сюда в августе 1723 г. не просто так был переведен Сибирский обер-бергamt, т.е. главная горная канцелярия, ведавшая всеми горнозаводскими делами на Урале и в Сибири. В сентябре 1725 г. не случайно именно тут учреждается производство медных, самых ходовых, денег России.

В 1726 г. в Екатеринбурге к Исетскому горному заводу прибавляется Верх-Исетский завод, камнерезно-гранильная фабрика. В городе учреждаются первые на Урале учебные заведения: арифметическая и словесная школы, в которых происходит интеллектуальное развитие недорослей. Первенство города признают соперничавшие с ним демидовские центры Невьянск и Тагил.

И все же Екатеринбург не дал имени новой губернии, не стал ее административным центром. Административной столицей был назначен поселок подчиненного Екатеринбургу Егошихинского медеплавильного завода, расположенного при впадении реки Егошихи в Каму. Поселок не был перспективным, прогрессирующим, наоборот, находился в депрессивном состоянии в силу упадка и свертывания заводского производства из-за истощения медистых песчаников.

Екатерина II, тем не менее, с согласия и одобрения проводившего проектирование губернии казанского губернатора князя П.И. Мещерского специальным указом повелела именовать поселок городом Пермь как центром одноименной губернии и Пермско-Тобольского наместничества.

С мая 1780 г. поселение стали преобразовать соответственно чину и званию. Перво-наперво обновили Петропавловскую церковь. Назвали ее собором. На расстоянии от собора, чтобы была значительная площадь, построили здания для наместника, губернатора, присутственных мест и гауптвахты. В сосновом бору прорубили просеки к Сибирскому и Казанскому трактам.

Работами по преобразению энергично руководил сам наместник, иными словами, начальник над губернаторами пермским и тобольским (увеличение числа губерний сопровождалось централизацией) генерал-поручик Е.П. Кашкин. Ранее он был выборгским губернатором.

18 октября 1781 г. с богослужения в соборе состоялось торжественное открытие города, губернии и наместничества. Потом состоялось расширенное молебствие на площади и освящение казенных домов. Были воинский парад, колокольный звон, пушечная пальба.

Вечером в доме наместника чиновники и их жены явились на бал и ужин. Е.П. Кашкин и губернатор И.В. Ламб, стоя возле символического

трона императрицы, произнесли верноподданнические, полные упования на будущее речи. От униженного Екатеринбургa никто не присутствовал. Это было началом традиции пренебрежения Пермью со стороны горнозаводского Урала.

Демидовы, а вслед за ними другие уральские магнаты, в Перми никаких следов не оставили: дворцов не возвели, учебных заведений не открыли, очагов культуры не воспламенили. Зато чего только они не сотворили в обеих столицах, других городах российских и за рубежом. П.Г. Демидов, например, открыл в Томске университет. И благодарные жители города установили его бюст в актовом зале университета. В Ярославле он построил и обеспечил капиталом лицей и городскую больницу. Там ему был установлен еще один памятник.

Нельзя сказать, чтобы наместники и губернаторы не предпринимали усилий привлечь к Перми всесильных магнатов. Старались в этом направлении представители духовной власти. Не получалось.

Порой соглашались учредить какое-либо губернское общество, попечительство, комиссию. Все это, Пермское и губернское, создавалось, но афишировалось с пометками: «само общество в Екатеринбурге» или «центр в Екатеринбурге». Таковыми явились, например, комиссия общества любителей естествознания, медицинское общество, музейное попечительство.

Не удивительно, что Пермь росла медленно и десятилетие за десятилетием не оправдывала понятия о губернском городе.

В этнографическом очерке «Подлиповцы», опубликованном в 1864 г., Ф.М. Решетников писал: «По правде сказать, город этот неказист, жители бедны, хорошие дома построены большей частью на одной улице, идущей от сибирской заставы к дому В., а потом к будке, стоящей на краю лога». Другой бытописатель, Д.Н. Мамин-Сибиряк, в очерке «Бойцы», опубликованном в 1883 г., свидетельствовал: «Пермь – самый глухой губернский городок».

Чтобы быть на соответствующей положению высоте, Пермь всегда нуждалась в исторических экскурсах, показывающих ее значительность. Тут была найдена золотая жила – описание деятельности губернаторов, головы которых окружались нимбами.

Тон задал Ф.А. Прядыльщиков (1811–1870). Его пассажи о третьем по описи губернаторе К.Ф. Модерахе явились эталоном. Они умиляют кое-кого и сегодня. Прядыльщиков писал: «К.Ф. Модерах при обширном уме обладал следующими качествами: он был трудолюбив, занимался делами управления сам, без помощи услужливых секретарей; судил о действиях подвластных ему лиц очень строго, но в высшей степени справедливо; собственное его бескорыстие было примером для тех, кто смотрел на службу как на средство наживать деньги».

Вслед за Прядильщиковым стало утверждаться, что ни один последующий губернатор не имел на плечах порожний сосуд и действовал «без издержек для казны и без отягощения обывателей». Каждый из них, якобы, делал все возможное, приобретал успехи, водворял должный порядок. И будто каждый не просил у министра внутренних дел укротить местную печать. Будто каждый не готов был подать список некоторых лиц, оказывающих противодействие в успешном управлении вверенной ему губернии.

Особенно в духе Модераха возвышен был губернатор А.Г. Лашкарёв, при котором последовало в Пермской губернии освобождение крестьян и непременных работников от крепостной зависимости. Он, дескать, делами своими приобрел известность в самом Петербурге. Но факты свидетельствуют об ином. Так, Лашкарёв, будучи в столице на приеме у своего шефа министра внутренних дел П.А. Валуева, когда речь зашла о претворении в жизнь реформы, обнаружил незнание азбуки дела. В тот день 13 июля 1862 г. Валуев сделал в дневнике следующую запись: «У меня были разные лица, между прочим, пермский губернатор Лашкарёв, один из неспособнейших и пустейших губернаторов, а таковых, увы, немало».

Пермских губернаторов, от правительства поставленных творить историю, было 24 человека. Такому обилию государственных мужей Екатеринбург мог только завидовать.

Много позднее, в 70-х гг. прошлого столетия, преодоление исторической ущербности Перми перед Екатеринбургом выразилось в утверждении Пермского обкома КПСС, вопреки мнению заслуженного деятеля исторической науки проф. Ф.С. Горового (в 1961–1970 гг. ректор ПГУ), что оба города одного возраста и что Пермь тоже может праздновать 250-летний юбилей в 1973 году. Наука в данном вопросе проиграла.

Пугачевский бунт, который обусловил губернскую реформу вообще и создание Пермской губернии в частности, выносился за скобки всех рассуждений, как будто его не было, как будто он не затронул Прикамье. Это обстоятельство и делало происхождение и назначение Перми полемичным. Оно заставляло авторов по истории губернии искать выспренные доводы, идти желательным начальству путем.

Пугачевский бунт, вернее война значительной части трудящихся низов с дворянством, более чем затронул Прикамье, особенно территорию ниже черты Пермь – Кунгур. По заданию Пугачёва здесь был образован Прикамский повстанческий отряд. Его возглавил «русский полковник башкирской нации» Абдей Абдулов. Ставка полковника размещалась в селе Барда. Появление повстанческого отряда привело к массовому восстанию населения. Он разросся за тысячу человек и был разделен на два отряда. Один из них под руководством полковника Батыркая Иткинина двинулся через Юговской завод штурмовать Кунгур. Другой под предводительством Абдея Абдулова по-

лучил задание Пугачёва идти вверх по Каме и через Егошихинский завод прорваться к Соликамску. Несмотря на ряд успехов цели не были достигнуты. Отряды возвратились и слились с основной армией Пугачёва, которая взяла Осинскую крепость и двинулась на взятие Казани.

Низы населения Прикамья дали Пугачёву 9 полковников, 7 атаманов (подполковников) и 16 походных старшин (майоров). Но следует признать, что в Прикамье среди заводского населения пугачевское движение энтузиазма не встретило. Даже башкиры, которые были втянуты в заводскую промышленность, выступали за матушку-императрицу. Пример тому – встреча у села Верхние Муллы отряда Абдея Абдулова с отрядом промышленника из деревни Кояново и, кстати, одного из основателей Петербургского горного института Исмагила Тасимова. После взаимных увещеваний на родном языке Тасимов смело выставил пушки, каковых не было у повстанцев, и заставил Абдулова повернуть и уйти на Осу. Угроза Егошихинскому заводу была ликвидирована, план Пугачёва сорван.

Горнозаводской Урал к тому времени выработал своеобразные типы организации производства и труда, которые до сих пор являются предметом оживленных споров среди историков и экономистов. Главным тут, на наш взгляд, следует считать зарождение в крепостных низах перспективных для них товарно-денежных, по сути своей капиталистических, отношений. Ведь каждый имел землю, вел свое хозяйство. Почти в каждом дворе были коровы, лошади, овцы, повсеместно имелись запасы сена. В заводских поселениях выделилась группа хозяйств, имеющих помногу (до десяти) лошадей. Эти хозяйства имели возможность сдавать лошадей в аренду безлошадным работникам, заниматься крупными перевозками в интересах заводовладельцев. Развивались разного рода ремесла, торговля выделанной овчиной, шерстью, полотном, медом, мясом.

Путешественник Грегори, который посетил уральские заводы накануне выступления Пугачёва, летом 1773 г., очевидно вовсе не идеализировал положение, когда отметил, что рабочий получал 16–36 руб. годовой заработной платы, и добавил, что одно это позволяло жить недурно.

Взбунтовать в то время заводской Урал Пугачёв не смог и не мог. Там у людей были другие жизненные интересы и материальные мотивы, можно сказать, с детства была другая психология. Упомянутый нами Ф.М. Решетников в тех же «Подлиповцах» писал: «Наш заводской мальчик не уступит взрослому заводскому человеку... Все заводские мальчики смысленнее крестьянских».

И еще важное обстоятельство, которое способствовало более высокому развитию, самостоятельности местного населения, которое до сих пор исследователи склонны выносить за скобки, – отсутствие в крае дворянства. Не случайно из крепостных рабочих заводов Урала вышло так много выдаю-

щихся лиц. Поведение населения здесь определялось не столько эмоциями, сколько рассудком.

Екатериной II горнозаводской Урал был воспринят как надежный тыл. И она согласилась с предложением П.И. Мещерского присоединить его к склонной бунтовать территории Прикамья, выбрав именно на этой территории месторасположение административного центра новой губернии. Егошинский завод на Каме подходил для этого как нельзя лучше. Управление и наблюдение отсюда, транспортные возможности императрица резонно нашла оптимальными.

Екатерина II как дворянский политик оказалась на высоте. Она оперировала понятиями, связанными с пугачевщиной. На первом месте для нее была политика, а не экономика. Она не хотела, чтобы чернь вновь волновалась и злодействовала. Вот почему Екатеринбург, к неудовольствию Строгановых, Демидовых, других магнатов, не стал столицей новой губернии.

Пермская губерния просуществовала 138 лет. Ежегодно 18 октября губерния отмечала год рождения, а в 1881 г. отпраздновала свое столетие.

15 июня 1919 г. она была разделена на собственно Пермскую и Екатеринбургскую губернии. Пермь осталась, таким образом, с уменьшенной в половину территорией губернским городом. Но ненадолго.

Советские административные преобразования 1923 и 1934 гг., лишив прежнего статуса, сделали Пермь подчиненной Екатеринбургу (с 1924 г. Свердловску). В 1938 г. экономическая целесообразность обоснованно взяла верх. Пермь стала центром Пермской области с появившимися позднее синонимическими названиями Прикамье, Западный Урал.

В марте 1940 г., в связи с 50-летием первого тогда после Сталина партийного и государственного деятеля, состоялось переименование Перми и Пермской области в город Молотов и Молотовскую область, а в 1957 г. – возвращение областному центру и области прежних названий.

С 1 декабря 2005 г. Пермская область стала официально именоваться Пермским краем.

Получено 14.01.2011